

ИЗБРАННЫЕ ВРЕМЕНЕМ: ЭПОХА И ЛИЧНОСТЬ

Владимир
2023

УДК 78
ББК 85.31
М34

М34 Материалы XIII Межрегиональной научно-практической конференции: сборник статей; отв. ред. и сост. А.С. Семенов. – Владимир, 2023. – 72 с.

ISBN 978-5-93767-485-2

В сборник вошли материалы XIII Межрегиональной научно-практической конференции «Избранные времена: эпоха и личность», состоявшейся 28 января 2023 года. Издание включает статьи преподавателей музыкальных школ, школ искусств и музыкальных колледжей.

Сборник адресован преподавателям ДМШ, ДШИ, студентам средних и высших специальных учебных заведений, а также всем интересующимся музыкальной культурой.

УДК 78
ББК 85.31

Рецензенты: **Охлобыстина А.Б.** – преподаватель АМУ при МГК им. П.И. Чайковского
Акопова М.В. – заслуженный работник культуры, директор ДМШ №1 им. С.И. Танеева

ISBN 978-5-93767-485-2

Список авторов

Баранникова Александра Дмитриевна – преподаватель ДМШ №1 им. С.И. Танеева, г. Владимир.

Брезгина Снежана Николаевна – преподаватель ДШИ №2 им. С.С. Прокофьева, г. Владимир.

Жаркова Елена Геннадьевна – преподаватель ДШИ ЗАТО, г. Радужный.

Карлова Елена Анатольевна – преподаватель ДМШ №5, г. Севастополь

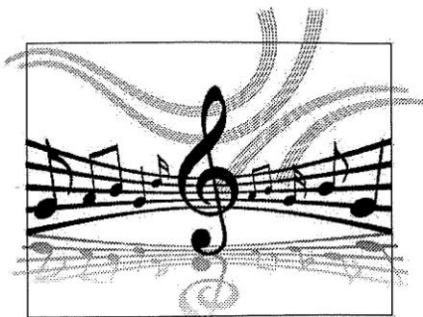
Кислякова Валерия Сайфидиновна – преподаватель ДМШ №1 им. С.И. Танеева, г. Владимир.

Колобовникова Галина Евгеньевна – преподаватель ДМШ №1 им. С.И. Танеева, г. Владимир.

Пшенцова Антонина Александровна – преподаватель ДМШ №1 им. С.И. Танеева, г. Владимир.

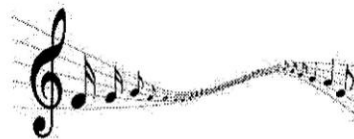
Семенов Артем Сергеевич – преподаватель ДМШ №1 им. С.И. Танеева, г. Владимир.

Трофимов Анатолий Александрович – выпускник ДМШ №1 им. С.И. Танеева, музыковед, Крым-Владимир.

Содержание

Семенов А.С.	«“Ordo virtutum” Хильдегарды Бингенской: литургическая драма или костюмированное действо?»	3
Баранникова А.Д.	«Церковные напевы в жанре мемориальной музыки. А.С. Аренский. Струнный квартет №2 op. 35 a-moll»	10
Карлова Е.А.	«Оперы М.И. Глинки «Жизнь за царя»: постигая заново (в поисках подлинного текста)»	14
Брезгина С.Н.	«Эпоха и личность. Прокофьев и Асафьев»	22
Жаркова Е.Г.	«Психолого-педагогические подходы П.П. Блонского к организации занятий искусством в школе»	33
Пшенцова А.А.	«В.А. Сухомлинский о музыкальном воспитании детей»	39
Колобовникова Г.Е.	«Исаак Альбенис. Время и место»	43
Кислякова В.С.	«Электроскрипка: электроника на службе искусства»	48
Трофимов А.А.	«Пхумипон Адульдет – король и музыкант страны белого слона и тысячи улыбок»	53
Список авторов		68

Эпоха и личность. Прокофьев и Асафьев.

Талантливые люди делятся на две категории. У первых талант раскрывается в каком-либо одном аспекте и ограничивается только одним видом творчества, у вторых ниспосланное дарование проявляется в нескольких.

Пути Сергея Сергеевича Прокофьева и Бориса Владимировича Асафьева – крупнейшего композитора XX века и одного из самых значительных музыкальных критиков XX века – пересеклись в стенах Санкт-Петербургской консерватории в классе композиции, который вел Анатолий Лядов.

Несмотря на свой юный возраст, Прокофьев пользовался огромным авторитетом среди своих однокурсников в консерватории, с ранней молодости его сочинения отличались свежестью и оригинальностью.

Асафьев был старше Прокофьева на 7 лет. Учился в консерватории отлично, выполнял все правила и предписания педагогов, но, как композитор, Асафьев «звезд с неба не хватавший»¹. Он нашел себя в музыкальной критике и писал о музыке «лучше, чем кто-либо когда-либо по-русски»².

Асафьев консерваторию так и не закончил. В 1907 году он сдавал экзамены в Санкт-Петербургском университете на историко-филологическом факультете, и поэтому, не мог активно заниматься по музыкальным дисциплинам.

Отношения Прокофьева и Асафьева в течение жизни претерпевали глубокие изменения. От приятельства в консерватории отношения переросли в тесную дружбу и далее пришли к драматической развязке.

Объединяло Прокофьева и Асафьева то, что детство их прошло вдали от столицы, от рафинированной культурной среды. Асафьев из скромной городской среды, из семьи петербургского чиновника, а Прокофьев вырос в имении Сонцовка, Екатеринославской губернии Российской империи, которым управлял его отец. Сейчас в селе Сонцовка находится Музей Сергея Прокофьева, это филиал Донецкого областного краеведческого музея.

Итак, со студенческой скамьи консерватории формировались творческие личности, сыгравшие огромную по значимости роль в истории русской музыки.

¹ Вишневецкий И. Г. Сергей Прокофьев // Жизнь замечательных людей: серия биографий / гл. ред. А. В. Петров, ред. И. И. Никифорова. – М.: Молодая гвардия, 2009. – С. 46.

² Там же.

Талант Бориса Асафьева воплотился в музыкальной критике, он «воплощал словесно оформленную мысль о музыке»³. В Сергее Прокофьеве же интенсивно и самобытно развивался его композиторский талант. Асафьев писал о нем: «Утверждение воли в музыке»⁴.

В музыкальных журналах того времени появлялось много статей о современной музыке и современных композиторах. Мнение Асафьева, как автора некоторых из них, иногда шло вразрез с принятым музыкальным обществом.

Например, летом 1917 года прекратил существование журнал «Музыкальный современник». Меценат и учредитель Петр Сувчинский отказал журналу в деньгах, так как Андрей Римский-Корсаков, сын композитора и редактора журнала, отклонил статью Игоря Глебова за «ненаучность, необоснованность и пропагандистский характер»⁵. Для семьи Римских-Корсаковых была неприемлема высокая оценка Асафьевым новых сочинений «Весна священная» Игоря Стравинского и «Скифская сюита» Сергея Прокофьева. Асафьев в своей статье писал о том, что это два наиболее представительных для современной русской музыки произведения, отмечал качества дарования авторов, раскрывал противоречия, свойственные данным произведениям.

Так в 1917 году возникает новый журнал «Музыкальная мысль», об издании которого объявили Сувчинский, Глебов-Асафьев и Василий Гиппиус (русский поэт и переводчик). В новом журнале сочетались политический радикализм, с радикализмом эстетическим, но одновременно авторы журнала сохраняли верность традициям; эти качества ярче всего в России того времени воплощал Прокофьев. Общая же точка зрения журнала была романтической, с упором на верховенства «духа музыки» и на «национальное существо» музыкального творчества.

Руководители журнала писали: «Художественная сила России издревле складывалась выразительнее и неустойчивее всего в стихии музыкальной. Стихия музыкальная есть основная стихия всякого подлинного искусства»⁶. Основная тема – переоценка национального существа русской музыки привлечет особенное внимание руководителей журнала.

Таким образом, в 1917 году Прокофьев и Асафьев были в единомыслии эстетического пространства, взгляд Асафьева на творчество Прокофьева был

³ Там же. С. 49.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 160.

⁶ Там же. С. 162.

благожелательным, доброжелательно прогрессивным. Они союзники, друзья, так же, как и на консерваторской скамье.

В конце 1917 года столичный воздух был уже полон напряжения, социальная активность была крайне высока и все это нашло отражение в Третьей сонате Прокофьева. Асафьев писал о своеобразном «наскоке», который слышится в атмосфере произведения. «Вся музыка дышит единым порывом и охвачена неустанным движением вперед»⁷.

И все же революция была для Прокофьева во многом неожиданной, он не сочувствует революции, но и не отвергает ее.

В этот период им была написана давно задуманная «Классическая» симфония, причем финал был сочинен Прокофьевым заново. Он пишет в своём дневнике: «Асафьев как-то развивал мысль, что в русской музыке нет настоящей радости. Запомнив это, я написал новый финал, живой и до того веселый, что во всем финале не было ни одного минорного трезвучия, одни мажорные»⁸.

Посвящение симфонии Борису Асафьеву свидетельствовало о том, что никто так не чувствовал внутреннего прокофьевского ритма, никто не был с ним в таком единодушии, как его старый консерваторский друг.

В газете «Новая жизнь», которую редактировал Максим Горький, Асафьев поместил статью «Путь к радости», где писал, что «современная Русская музыка предугадала и предчувствовала приближение свершившегося перелома и резкого сдвига в сторону утверждения волевого начала и жажды свободного творческого становления»⁹.

В 1918 году Сергей Прокофьев уезжает в Америку и к 1924 году состоит в очень активной переписке с друзьями и коллегами в России, в том числе и с Асафьевым. Ему Прокофьев посылал по американским каналам шоколад и Асафьев, вне себя от радости после стольких лет военного коммунизма и жизни впроголодь, сходу перешел с Прокофьевым на «ты».

Между Прокофьевым и многими его знакомыми, который остались в России и видели ужасы Гражданской войны, пролегла пропасть, но с Асафьевым отношения оставались теплыми и дружескими. Борис за годы, что прошли после отъезда Сергея Прокофьева из России, вырос в крупнейшего музыкального писателя, его стиль поражал охватом и глубиной суждений и характеристик. Второго такого музыкального писателя в России не было.

⁷ Глебов И. Фортепианное творчество Прокофьева. Аннотация к концерту С. С. Прокофьева в Ленинграде 17/II-1927. – Л.: Государственная академическая филармония, 1927. – С. 327.

⁸ Дневниковая запись от июня 1917 года // Цит. по: 6. Прокофьев С. С. Дневник 1907-1933 в 3 т. / предисл. С. С. Прокофьева. Paris: sprkfv, 2012. – Т. 1.: 1907-1918. – С. 658.

⁹ Цит. по: Вишневецкий И. Г. Сергей Прокофьев. С. 168.

Авторитет Асафьева был очень велик, русская музыкальная мысль обрела в его лице гениального выразителя.

В 1925 году Прокофьев работает над балетом «Стальной скок», и мнение Асафьева по поводу этого произведения таково: «Это музыкальный художественно-реалистичный конструктивный стиль, без тени стремления к натуралистическому подобию (грубому звукоподражательству), но с постоянным ощущением живой действительности... Думается, что эти звукообразы, явления, характеры и ситуации не могут не быть сильными стимулами для воображения режиссера и балетмейстера именно в нашей стране»¹⁰.

Таким образом, будучи за границей Прокофьев пишет не советский балет, а балетно-симфоническое полотно о России при любом режиме и в любую эпоху, которая воспринималась и принималась коллегами-музыкантами по обе стороны границы (и Дягилевым во Франции, и Асафьевым в Советском Союзе).

В начале августа 1925 года слухи о том, что Прокофьев пишет балет на советскую тематику, достигли Москвы. Луначарский, народный комиссар просвещения СССР, попросил Яворского (заведовавшего в то время музыкальной секцией при Государственном ученом совете) сообщить Прокофьеву и Стравинскому, что правительство согласно на их возвращение в Россию, а также согласно дать им полную амнистию и возможность выезжать беспрепятственно за границу. Прокофьеву условия возвращения в Россию показались разумными и 19 января 1927 года Сергей и Лина Прокофьевы пересекли границу с Россией. Они поселились в гостинице «Метрополь» и на следующий же день после приезда их навестили Асафьев и Мясковский (их однокурсник по консерватории).

Вновь началось тесное общение. Асафьев посещал концерты, которые Прокофьев давал в Большом зале консерватории, в Московской ассоциации современной музыки.

Во время первого после возвращения в страну посещения Ленинграда Асафьев с Прокофьевым встречаются ежедневно. Они слушают оперу Прокофьева «Любовь к трем апельсинам» в Мариинском театре, едут вместе в Детское (Царское) Село.

По возвращении из СССР у Прокофьева возникла идея пригласить Асафьева во Францию. Предполагалось, что приезд будет связан с гастролями Мариинского театра с оперой «Любовь к трем апельсинам», но гастроли откладывались на неопределенный срок, а потом не состоялись совсем.

¹⁰ Там же. С. 294.

Асафьеву удалось приехать только через год. Он добирался через Берлин, Вену, Швейцарию в Ветраз, где его встретил Прокофьев со своей семьей. В эту встречу друзья много путешествовали на автомобиле Прокофьева по Европе. В записях Асафьева сохранилось подробное описание переездов за 8 сентября-1 октября 1928 года.

О пребывании в Ветразе Борис Асафьев писал жене: «День у нас идет так: утром, часов с 9, Сергей сочиняет музыку или играет, подготавливаясь к концертам, а я читаю или пишу...»¹¹. Позже Асафьев сильно сожалел о том, что, живя возле Прокофьева, не создал книгу о нём.

Над книгой о Прокофьеве Асафьев начал работать в 1926-1927 годах, появились наброски очерка о творческом и жизненном пути композитора, главы о его оркестровой и фортепианной музыке. С изменениями и не полностью эти наброски были опубликованы в качестве пояснений к концертам Прокофьева во время его первой поездки в СССР. Книга о Прокофьеве так и не была завершена.

Говорили Прокофьев и Асафьев в эту встречу не только о музыке. Они затрагивали религиозные вопросы, обсуждали, например, тему книги Мэри Бэйкер Эдди «Наука и здоровье с ключом к Писанию». Прокофьев, живя за границей, интересовался религиозными вопросами и принципами религиозной организации «Христианская наука». Асафьев отвечал на это, что опыт исцеления у него есть – в Римских катакомбах в 1914 году от большого сердца, – но он связан скорее с впечатлением от первохристианства. Говорили они также о музыкальной молодёжи, упоминая в том числе Шостаковича, Дукельского, Попова.

В 1931 году Асафьев, которому было на то время 47 лет, поделился с уезжавшим из СССР в Париж Прокофьевым планами сочинения балета «Пламя Парижа» на тему Великой Французской революции. Прокофьев радовался, что его товарищ по классу композиции, после стольких лет занятий историей и теорией музыки, снова взялся за сочинительство. Прокофьев стал помогать в подборе музыкального материала, по просьбе Асафьева разыскал в Париже два тома историка французской революционной музыки Костана-Виктора-Дезире Пьера – собрание музыкальных произведений композиторов того времени и заказал копиисту переписать опубликованные там танцы. Прокофьев также обратился к Сувчинскому, жившему за рубежом в то время, который обещал подобрать относящиеся к революционному времени записи танцев французских провинций. Асафьев писал балет в первой половине 1932 года. Прокофьев рассказывал об этом во французской прессе, упоминал о

¹¹ Там же. С. 339.

прошедшей в Ленинграде премьеры «Пламени Парижа», рассказывал, что видел первый акт еще в Москве до ленинградской премьеры. Но потом, когда Прокофьев увидел «Пламя Парижа» на сцене целиком, его постигло разочарование. Прокофьев удостоверился в том, что ум и знания Асафьева не смогли заменить собою таланта, а серьезного композиторского таланта у Асафьева не было.

Во французском интервью Прокофьев был вежлив и отмечал, что «Асафьев сделал своего рода монтаж из сочинений композиторов той эпохи: Гретри, Мегюля, Глюка...»¹².

Но лично Асафьеву Прокофьев прямо сказал очень обидные слова: «Во Франции твой балет не прошел бы. Нельзя вставлять в музыку цитаты в переработанном виде»¹³. Отношения друзей были испорчены.

После «Пламени Парижа» Асафьев написал множество симфоний, балетов, концертов. Мясковский еще во время учебы в консерватории в 1907 году говорил, что независимо от получаемых Асафьевым отличных оценок, он «никогда не выбьется из примитивных гармоний и наивных мелодий», делающих его музыку «нестерпимо банальной»¹⁴.

Прокофьев, тем временем, также взялся за сочинение на тему XVIII века и тут негативный опыт Асафьева был ему к стати. Меньше всего Прокофьев хотел оказаться аранжировщиком прежних мелодий, а именно такая слава закрепилась за Асафьевым. Таким образом, вопрос о заимствованиях и цитировании отпал сразу. Прокофьев приступает к работе над музыкой к кинофильму Александра Файнциммера на сюжет Юрия Тыняного «Поручик Киж», в основе которого был исторический анекдот эпохи Павла I о бюрократическом лабиринте имперской столицы.

Таким образом Асафьев-композитор наверняка чувствовал примитивность своих сочинений, но сочинял музыку даже в ущерб исследованиям. Так, начиная с 1934 – 1935 годов, дороги Прокофьева и Асафьева разошлись, хотя корректные отношения между ними сохранялись, прежняя переписка и свободный обмен мнениями прекратились.

В 1936 году произошли события, которые навсегда изменили представление об эстетической свободе в советском музыкальном мире. 26 января 1936 года Сталин посетил исполнение оперы Шостаковича «Леди

¹² Там же. С. 382.

¹³ Там же.

¹⁴ Письмо Мясковского к Прокофьеву от 28 июля 1907 года // Прокофьев С. С. и Мясковский Н. Я. Переписка / сост. и подгот. текста М. Г. Козловой, Н. Р. Яценко, вступ. ст. Д. Б. Кабалевского, предисл. М. Г. Козловой, коммент. В. А. Киселева. – М.: Советский композитор, 1977. С. 43.

Макбет Мценского уезда». К середине 30-х годов вокруг имени Шостаковича стал складываться настоящий культ. Это был композитор, который провел все послереволюционные годы в России, вырос и сформировался в советское время, учился в советском техникуме и консерватории, целиком при советской власти.

Прокофьев относился к Шостаковичу достаточно прохладно: «Шостакович талантлив, но какой-то беспринципный, и, как иные наши друзья, лишен мелодического дара; с ним здесь преувеличенно носятся»¹⁵.

Шостакович по своему дару был близок Чайковскому, выражая через музыку мятущиеся, подавляемые, часто мрачные чувства, которые переполняли сердца многих в 1930х годах. Так и в опере «Леди Макбет» оказались подорваны основы «семьи, частной собственности и государства» (Ф. Энгельс). Шостакович и автор либретто А.Г. Прейс создали картину любовной измены, грабежа награбленного и отвержения любых человеческих законов. Герои же оперы, благодаря либретто и музыке, вызывают симпатии у слушателей.

Сталину опера очень не понравилась, она противоречила идеи консолидации общества, новой «сталинской конституции», в основе которой незыблемое Советское государство, прославление «новой» (на деле традиционной) семьи, неприкосновенность «социалистической» собственности.

Сталин не стремился уничтожить Шостаковича, он заявил, что «Шостаковичу нужно помочь выправиться».

В «Правде» 28 января и 6 февраля 1936 года появляются две не подписанные установочные статьи «Сумбур вместо музыки», обвинявшие Шостаковича в формализме.

В Московском и Ленинградском отделении Союза композиторов состоялась дискуссия на тему «Против формализма и фальши». Предстояла первая чистка музыкантов, которая произвела гнетущее впечатление на однокурсников Прокофьева, Асафьева и Мясковского.

Асафьев на дискуссии не явился, но прислал выступление о «волнующих вопросах», оно было напечатано в мае в «Советской музыке».

Мясковский честно предупредил Прокофьева в письме, что положение серьезное, но тот находился на гастролях за границей и проигнорировал это предупреждение, что позволило ему сохранить оптимизм и не поддаться унынию вплоть до 1939 года, Прокофьев продолжал работать воодушевленно и на подъёме.

¹⁵ Из письма к Дукельскому от 29 сентября 1935 // Цит. по: Вишневецкий И. Г. Сергей Прокофьев. С. 395.

Но то, что происходило в СССР в 1936-1939 годах – массовые аресты и публичные процессы, общая атмосфера шпиономании – постепенно стало сказываться на выдержке даже такого оптимиста, как Прокофьев. Запрет его «Кантаты к XX-летию Октября», снятие с показа «Александра Невского», бесконечное откладывание «Ромео и Джульетты» в Кировском театре – работы композитора оказывались не востребованными. Перспективы зарубежных гастролей закрывались в связи с нависшей военной угрозой.

В 1940 году молодой музыковед Израиль Нестьев, аспирант Московской консерватории, взялся за написание диссертации о жизни и творчестве Сергея Прокофьева, задуманной одновременно, как полноценная книга. В связи с этим Нестьев встречался с Асафьевым, чьи дружеские отношения с Прокофьевым закончились после событий с «Пламенем Парижа». Асафьев рассказал Нестьеву, что в молодости хотел писать монографию о Прокофьеве и передал аспиранту автограф ранних сочинений композитора, альбом вырезок, которые Прокофьев отдавал Асафьеву на хранение.

Нестьев вспоминая о встрече, писал, что Асафьев тогда казался старше своих лет, чувствовалась его утомленность жизнью. Не имея возможности писать о музыке то, что он действительно думал, Асафьев погрузился в болезненное композиторство. Он произвёл на собеседника впечатление ирреального, химерического существа.

С началом Великой Отечественной войны Прокофьев со второй женой Мирой Мендельсон уезжает в эвакуацию в Нальчик и начинает работать над оперой «Война и мир». Асафьев, живя в это время в блокадном Ленинграде, и уже не поддерживающий дружеских отношений с Прокофьевым, тоже задумывался над этим сюжетом и начал работать над ним по заказу Театра имени Ленинского комсомола. Но после того, как из Москвы стали доходить слухи о новых работах советских композиторов, и, соответственно, об опере Прокофьева на тот же сюжет, Асафьев отложил эту идею.

30 августа 1942 года в критическом состоянии, истощенный Асафьев был госпитализирован, а затем, в ноябре, вывезен из осажденного города вместе с родными. Такое балансирование между жизнью и не жизнью навсегда подорвало его здоровье и моральный дух. Еще в июне Асафьев понял, что современная музыка больше не даёт ему опоры. Он написал, что Стравинский «похитил не то тень, не то душу русской музыки», а «Прокофьев обходится и без тени, и без души»¹⁶. Обвинение это жестокое и несправедливое свидетельствует о неблагополучии внутреннего состояния Асафьева. Отсюда только шаг до поддержки «антиформалистической кампании» 1948 года.

¹⁶ Там же. С. 518.

Итак, начался 1948 год. Произошла череда событий, навсегда изменивших жизнь Прокофьева. 13 января 1948 года Прокофьев зарегистрировал брак с Мирой Мендельсон, не расторгнув брака с Линой Прокофьевой. Лина, иностранная гражданка, лишившись защиты, как жена композитора, была арестована. Сыновья остались одни.

Другим трагическим событием января 1948 года стала организованная членом Политбюро ЦК ВКП (б) Андреем Ждановым совещание деятелей советской музыки, на котором композиторов обвиняли в увлечении модой, не народной, а аристократической музыкой, музыкой для гурманов.

Борис Асафьев, еще с середины 30-х годов, отступивший от серьезных музыковедческих трудов, переживший блокаду Ленинграда, избранный в 1943 году в Академия наук, сдал на свидании со Ждановым всех, кого мог, в том числе и друзей юности и Прокофьева, и Мясковского. Асафьев одобрил подготавливаемую для второго январского совещания погромную речь. Все без исключения, кто знал Асафьева в молодости, после того отвернулись от него.

На заседании Прокофьев открыто разговаривал с соседом, не слушая докладчиков. О его поведении доложили Сталину, на что тот сказал: «Совсем зазнались. Будем учить».

14 февраля 1948 года были запрещены к исполнению и сняты с репертуара несколько произведений Прокофьева. В тот же день «Правда» начала публикацию откликов «общенародного» одобрения по поводу атиформалистической резолюции ЦК ВКП (б).

16 апреля 1948 года открылся съезд Союза советских композиторов. Композитор Василенко начал первое заседание, на котором присутствовал и Прокофьев. Василенко критиковал «ложные мудрствования мнимых новаторов», их «формализм».

Здесь же прозвучал доклад «За новую музыкальную эстетику, за социалистический реализм!» назначенного председателя Союза композиторов Бориса Асафьева, на съезд не явившегося. Он не только чувствовал себя физически скверно, но ему было стыдно смотреть в глаза Прокофьева и Мясковского.

Доклад Асафьева зачитал Власов, Прокофьев при этом присутствовал. Пребывать в подобной обстановке он больше не смог и на последующие заседания не явился. Он уехал на дачу и, по воспоминаниям Мирры Мендельсон, был глубоко ранен случившимся. На этом же заседании прозвучал список «нечистых» произведений Прокофьева, куда попали Концерт для виолончели с оркестром, оперы «Дуэнья» и «Война и мир», Шестая симфония и многие другие.

Асафьев умер через год после тех событий в полной изоляции, исповедуясь перед смертью в совершенном поступке священнику. Только Прокофьев и музыковед, пианист Павел Ламм согласились встретиться с предавшим их умирающим Асафьевым. Мясковский не нашел себе сил для прощения.

Уже после кончины Асафьева Борис Ярустовский (советский музыковед) признался, что доклад не был написан Асафьевым, но был скомпонован по его желанию из материалов его статей.

В бумагах Асафьева сохранились наброски, написанные его собственной рукой, подчерком уже явно больного человека – тезисы к докладу.

И все-таки Сергей Прокофьев оставался не сломленным. Его душевное здоровье и многие годы духовной практики Христианской науки не позволяли ему падать духом. В марте композитор, уединившись на даче, дописывает музыку «Повесть о настоящем человеке», которая приобретает автобиографические черты. В последствии Прокофьев принимается за сочинение балета «Каменный цветок», в планах были другие масштабные произведения, он не позволяет себе снижать темп работы. Но отмена постановки «Войны и мира» в театре Кирова, явилась очередным ударом для композитора.

Наступил 1949 год. 16 марта личным распоряжением Сталина был отменен запрет на исполнение сочинений Прокофьева, но решение о прекращении травли было принято слишком поздно. События 1948-1949 годов сломили Прокофьева морально и физически. Прежняя уверенность, изобретательность, свобода больше не вернулись к композитору, остались только мастерство и умение. Летом 1949 года у Прокофьева случился инсульт. На протяжении трех последних лет жизни он редактирует свои произведения, задумывает новые, но, ввиду плохого самочувствия и психологической угнетенности, музыкальный материал сумеречный, пессимистичный, не похожий на прежнего композитора.

Умер Сергей Прокофьев в один день со Сталиным 5 марта 1953 года.

Две личности – Прокофьев и Асафьев – жившие в одной эпохе и прошедшие такой нелегкий путь по сложному XX веку, испытавшие столкновение с партийной линией, но так по-разному прожившие драматические ситуации, позволяют современному поколению, по прошествии времени, взглянуть на события с разных сторон ясно и объективно, а также почувствовать это через музыку того времени.

В Центральном (ныне Российском) государственном архиве литературы и искусства в Москве хранятся рукописи и бумаги Прокофьева, о чём ещё при

жизни в 1950 году договаривался сам композитор. В 1955 году стало известно о дневниках и письмах, положенных Сергеем и Линой Прокофьевыми в сейф из одного американских банков. Бумаги переданы в СССР.

В 2002 году сын Прокофьева Святослав и внук Сергей издали дневники композитора 1907-1933 годов во Франции.

Другие бумаги, по завещанию Миры Мендельсон, переданы в Государственный музей музыки и культуры.

Усилиями Лины Прокофьевой создан архив Сергея Прокофьева в Лондонском университете.

Такой огромный, аккуратно собранный архив композитора позволяет исследователям и всем заинтересованным любителям музыки разносторонне и широко взглянуть на события жизни Сергея Прокофьева и его современников.

Список литературы

1. *Вишневецкий И. Г.* Сергей Прокофьев // Жизнь замечательных людей: серия биографий / гл. ред. А. В. Петров, ред. И. И. Никифорова. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 703 с.
2. *Глебов И.* Фортепианное творчество Прокофьева. Аннотация к концерту С.С.Прокофьева в Ленинграде 17/II-1927. – Л.: Государственная академическая филармония, 1927. – С. 327.
3. Письма С. С. Прокофьева – Б. В. Асафьеву (1920–1944) // Из прошлого советской музыкальной культуры / ред.-сост. Т. Н. Ливанова. – Вып. 2. – М.: Советский композитор, 1976 – 296 с.
4. Прокофьев С. С. и Мясковский Н. Я. Переписка / сост. и подгот. текста М. Г. Козловой, Н. Р. Яценко, вступ. ст. Д. Б. Кабалевского, предисл. М. Г. Козловой, коммент. В. А. Киселева. – М.: Советский композитор, 1977. – 600 с
5. Прокофьев о Прокофьеве: статьи и интервью / сост., текстол. ред. и коммент. В. П. Варунца. – М.: Советский композитор, 1991. – 285 с.
6. *Прокофьев С. С.* Автобиография / предисл. Н. П. Савкиной, послесл., коммент. М. Г. Козловой. – М.: Классика-XXI, 2007. – 520 с.
7. Прокофьев С. С. Дневник 1907-1933 в 3 т. / предисл. С. С. Прокофьева. Paris: sprkfv, 2012. – Т. 1.: 1907-1918. – 816 с.
8. Прокофьев С. С. Дневник 1907-1933 в 3 т. / предисл. С. С. Прокофьева. Paris: sprkfv, 2012. – Т. 2.: 1919-1933. – 896 с

Управление культуры и туризма администрации г. Владимира
МБУДО «Детская музыкальная школа № 1 им. С.И.Танеева» г. Владимира

МАТЕРИАЛЫ XIII Межрегиональной научно- практической конференции «Избранные временем: эпоха и личность»

Владимир, 28 января 2023 года.

Владимир
2023